

В.П. Козлов

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ
О МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ
в 1929–1939 гг.

В статье рассматриваются источниковое значение и археографический уровень последних томов трех завершенных многотомных публикаций по истории советской деревни в 30-е годы XX в. – «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину», «Голод в СССР». Сделаны выводы о противоречивом характере данных опубликованных здесь документов и их археографической обработке.

Ключевые слова: документальная публикация, документальный коллапс, достоверность документальных источников, карательная политика советской власти в деревне, коллективизация, критерии отбора документов для документальной публикации, массовые документы карательных органов советской власти, переменчивая достоверность документального источника.

После ухода из жизни В.П. Данилова интенсивность документального освещения истории русского и советского крестьянства явно снизилась. Тем более приятно, что в обозреваемый период вышли в свет три документальные публикации, представляющие собой завершение целых серий, основание двух из которых как раз связано с именем В.П. Данилова.

Серийная документальная публикация «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» завершена с выходом в свет ее четвертого тома¹, документы которого раскрывают ситуацию в советской деревне в 1935–1939 гг., когда колхозы в ней стали состоявшейся реальностью. Здесь нет смысла описывать эту реальность – она прекрасно показана в большом и содержательном историческом предисловии к тому, написанном Ю.А. Мошковым, С.А. Красильниковым,

Н. Вертом, А.Я. Береловичем. К 1935 г. советская общинно-дворовая деревня была сломлена окончательно и именно с этого года советская власть от экспромтов предшествующих лет в организации колхозного строительства перешла к более или менее внятным действиям по созданию колхозного строя. Ничуть не ослабляя карательного характера своих действий по насильственному насаждению колхозов, она сопровождала их деятельность нормативной, кадровой, экономической упорядоченностью, стремясь в рамках суровой конфискационной политики в отношении продукции колхозов к примитивному, опять же больше силовому, чем реально экономическому, поощрению труда колхозников.

Основной массив документов сборника составляют информационные материалы региональных структур НКВД СССР, направлявшиеся в его центральный аппарат и в ряде случаев даже непосредственно в ЦК ВКП(б). К 1935 г. сбор, агрегирование такой информации были хорошо отработаны и инструктивно закреплены. Для руководства страны в недрах НКВД создавались своего рода тайные газеты с различными хронологическими и тематическими форматами – от ежедневных сводок до месячных обзоров, от информации о конкретных событиях до проблемных аналитических обзоров о ходе посевных, заготовительных кампаний, ходе колхозного строительства, отношении крестьян к колхозам и советской власти и т. д. Современный, а не только будущий историк и источниковед обязательно рано или поздно с использованием существующих и каких-то иных методов проведет проверку этих документальных источников на достоверность. В рамках же настоящего археографического обзора отметим две их очевидные особенности.

Первая – это терминология. «Помещики» и «кулаки» в советском публичном и тайном документальном новоязе фигурируют с 1917 г. и вплоть до 1939 г., разбавляясь, правда, после 1932 г. иными понятиями. По нашим подсчетам, только в 1924–1932 гг. было проведено не менее 12 волн их выселения с параллельным, далеко не всегда связанным с выселением, привлечением к уголовной ответственности вплоть до расстрелов крестьян². Казалось бы, к 1935 г. классовая метла ничего от них не должна была оставить. А они, оказывается, находились в деревне и в 1939 г. Понятно почему: «помещик» и «кулак» как экономические понятия превратились в политическую категорию и, продолжая оставаться «контрреволюционными элементами», плавно перетекли в «антисоветские» и «вредительские».

Вторая – это явная трансформация где-то на рубеже 20–30-х годов методологии подготовки информационных сводок. Смысл ее за-

ключался в постепенном выдавливании передачи всего многообразия спектра крестьянских мнений по поводу происходящего в советской деревне, характерных для сводок второй половины 20-х годов, и замене его исключительно сообщениями о «негативе» – проявлениях недовольства политикой советской власти в деревне. И это можно объяснить не только тем, что власти стремились получить истинную картину отношения крестьян к происходящему. Власти нужно было оправдать свои силовые действия в деревне, а для этого здесь должен был быть перманентный враг.

Эти оба обстоятельства придают определенный субъективизм документам четвертого тома сборника. Они создают впечатление о всеобщем негативном отношении советского крестьянства к коллективизации в той форме и теми методами, которыми она проводилась. На самом же деле были и устойчивые крестьянские группы, которые проявляли свое недовольство лишь отдельными решениями советской власти.

Прежде чем остановиться на археографической стороне этой публикации, обратим внимание на статистику географии и тематики помещенных в ней документов.

Все поволжские регионы представлены здесь 48 документами, далее следует Центральная Черноземная область (46 документов), Украина (33 документа), Северо-Кавказский край (17 документов), Западно-Сибирский край (11 документов), Московская и Ивановская промышленные области (по 10 документов) и т. д. Оставим пока эти данные без комментариев.

Контент-анализ заголовков 296 из 323 опубликованных документов показывает, что на первом плане их значительная часть (37 документов) раскрывает в основном тему «контрреволюционных действий», «вредительства» и «антисоветских проявлений» в деревне. Далее следуют документы, связанные с печально известным приказом НКВД № 00447 (32 документа), характеристики состояния колхозов и колхозного строительства в отдельных регионах (30 документов), оценка хода посевных кампаний по отдельным регионам и состоянию низового колхозного и советского руководства (по 17 документов), «продовольственные затруднения» (13 документов) и т. д. При этом годовая тематическая раскладка документов более или менее равномерна для характеристики состояния колхозов и колхозного строительства, «контрреволюционных действий», «вредительства» и «антисоветских проявлений», обязательных поставок сельхозпродуктов колхозов государству и ряда других проблемных тем.

Большая же часть документов, помещенных в сводках, явно реагирует на ту или иную кампанию советской власти, будь то устав

сельхозартели или обсуждение и принятие Конституции СССР 1936 г. Очень характерна в этом смысле убывающая кривая, связанная с характеристикой состояния низового колхозного и советского аппарата: 1935 г. – 9 документов, 1936 г. – 4 документа, 1937 г. – 3 документа, 1938 г. – 1 документ, 1939 г. – ни одного документа.

Для демонстрации источникового значения рецензируемой документальной публикации остановимся на самом большом комплексе ее документов, связанных с репрессиями в советской деревне.

Сборник показывает несколько репрессивных волн российского крестьянства в 1934–1939 гг., отличавшихся от предшествующих. Первая волна – это «удар по штабам», т. е. по руководству колхозов. В 1935 г. ее жертвами стали счетоводы: среди них, как можно понять, было выявлено 1013 «чуждых» и подлежащих чистке (с. 119–122). Как свидетельствует спецсообщение УНКВД по Калининской области о составе председателей правлений колхозов, вскоре эта репрессивная волна затронула и председателей колхозов (с. 266–270). Докладная записка УНКВД по Азово-Черноморскому краю от 10 июля 1936 г. свидетельствует о начале второй волны репрессий под флагом борьбы с «контрреволюционным подпольем» в российской деревне (с. 272–273). Это «подполье» постепенно трансформируется в «контрреволюционные повстанческие группировки», о чем говорит спецсообщение УНКВД по Западной области от 6 октября 1936 г. (с. 314–317). Помещенная в издании выборочная сводка донесений областных управлений НКВД наркомун внутренних дел СССР о подготовке к исполнению приказа НКВД СССР № 00447 говорит о начале третьей репрессивной волны в деревне – против «кулаков», «уголовного элемента», лиц, вернувшихся из мест ссылки и заключения. Только по Ивановской, Челябинской, Иркутской, Калининской, Архангельской, Ярославской областям, Кабардино-Балкарской, Башкирской АССР, Орджоникидзевскому и Западно-Сибирскому краю число людей, подлежащих репрессиям, преимущественно крестьян, деревенских служащих и деревенской инженерно-технической интеллигенции, составило свыше 56 тыс. (с. 452–455).

В сборнике помещены документальные источники, связанные с подготовкой и проведением показательных процессов над крестьянами в разных регионах страны. Из них можно видеть, как впервые в истории советской репрессивной политики карательными органами выстраивались цепочки связей «врагов советской власти» по схеме город–деревня и наоборот. Репрессивные меры не с уголовным, а политическим подтекстом немедленно распро-

странялись и на случаи чрезвычайных происшествий в деревне, например пожары.

Приведенная выше статистика географического и тематического распределения документов сборника на самом деле характеризует не только его источниковое значение для понимания истории советской деревни. Она имеет прямое отношение и к археографической составляющей этой публикации.

Перед нами публикация массовых документов, т. е. однотипных источников, дошедших до нас в большом числе и с достаточно устойчивыми формулярами в виде спецсводок, спецзаписок, спецсообщений, докладных записок, донесений, рапортов, записок по прямому проводу, справок, бюллетеней, шифротелеграмм и просто телеграмм. Некоторые из этих видов источников отличаются от других большей степенью обобщений, другие, наоборот, носят исключительно конкретный фактологический характер. Собственно говоря, по этой причине мы можем говорить о двух группах документов, объединенных характером информации, – обобщающих и конкретно фактологических. В них больше общего, чем отличия от третьей группы – судебных приговоров, жалоб, обзоров содержания перлюстрированных писем.

Повторим, что сборник предоставляет нам массовые документальные источники, как правило, рожденные документами с высокой степенью кумулятивности, иначе говоря, документами директивного характера, изданными в других документальных публикациях.

Такие массовые документы при их публикации требуют разрешения по крайней мере двух вопросов.

Первый вопрос – это выбор из их тысячной совокупности некоторой части, иначе говоря, формирование выборки документов, которая могла бы быть не случайной, а репрезентативной ко всей этой совокупности. В нашем случае такая выборка могла быть основана, во-первых, на годовой совокупности документальных источников, во-вторых, на их территориальном происхождении, в-третьих, на их видовой составляющей и, в-четвертых, на их содержательной заданности.

В практической плоскости это означает включение в публикацию, например, каждого десятого или каждого сотого документа одного вида и одной тематической заданности, созданных в каждой региональной организации НКВД в течение года и поступивших в НКВД СССР.

Возможно, составителям публикации и кому-то из читателей эти наши предложения покажутся не просто спорными, но и

ошибочными. Тогда заметим, что и для повидовой тематической документальной публикации, тем более имеющей дело с массовой документацией, критерии включения в документальную публикацию обязательны не менее чем при тематической публикации. К сожалению, в археографическом предисловии рецензируемого сборника мы не встретим даже намека на них. И хочешь не хочешь, но возникает в связи с этим впечатление о субъективной иллюстративности сборника, о стремлении его составителей не к отбору, а к подбору документов. Например, в документах сборника крайне редко встречаются сведения об отрицательном отношении колхозного крестьянства к обязательным натуральным поставкам сельхозпродукции государству. Как это объяснить: выступал ли колхозный крестьянин если не государственным, осознающим необходимость этого, то покорным исполнителем воли власти, или же составители просто не обратили внимания на это явление? Зато протест против обязательных продаж сельхозпродукции по твердым и заниженным государственным ценам был всеобщим и, что особенно важно, коллективным, выразившимся в соответствующих решениях общих собраний колхозов. Колхозники дружно и твердо считали: все, что остается после обязательных поставок, после создания семенного и страхового фондов, является их законной собственностью, которую они вправе либо распределить по трудодням, либо продать по рыночным ценам. Иначе говоря, в рамках колхозной системы они отстаивали свои очевидные интересы. Документы сборника фактически не отражают и этого явления.

Или, например, почему так скуден набор документов о ситуации в деревне в существовавшей в это время огромной Московской области, включавшей, по существу, в свой состав большую часть Центральной России?

Конечно же, составители публикации об иллюстративности и думать не думали. У них были какие-то свои основания отбора документов. Вот только объяснить их читателям они просто забыли. На это важно обратить внимание сегодня. Любая документальная публикация без внятного, четкого археографического предисловия как птица без хвоста: летать может, а управлять полетом – с трудом.

Второй вопрос, возникающий в связи с этой повидовой тематической документальной публикацией массовых источников, касается способов воспроизведения их текстов. Составители пошли по общеизвестному и общепринятому пути издания не массовых источников – полному воспроизведению отобранных ими к изданию массовых документов. Но отечественная и зарубежная археографическая практика еще в XIX в. изобрела особый способ

публикации массовых документов – регесты. В сборнике помещены выборочно целые комплексы таких документов, которые при приложении определенных усилий могли быть трансформированы в регестовую форму передачи их текстов, причем не выборочно, как это сделано, а по всем регионам СССР, что обеспечило бы полную картину развития того или иного явления в советской деревне.

Во всем остальном в археографическом отношении сборник безупречен. В нем есть комментарии по тексту, именной комментарий, именной и географический указатели. Последний, составленный с особой тщательностью, доводит информацию до уровня конкретных населенных пунктов, что чрезвычайно важно для краеведческих исследований.

Конечно, жаль, что четвертым томом эта документальная серия завершается. Ее источниковый потенциал огромен, раскрывая суть многих процессов, протекавших в советской деревне, а в части понимания отношения советского крестьянства к модернизации советской деревни на основе коллективизации и репрессивной политики в сопоставлении с письмами крестьянства во власть, в газеты и журналы открывает великолепные возможности. Это издание было бы важно продолжить минимум до конца 1950-х годов, до времени импульсивных и системных попыток Н.С. Хрущева освободиться от сталинского наследия в советской деревне, с тем, чтобы поставить точку в оценке большевистского эксперимента по модернизации советской деревни.

Трехтомная серия «Голод в СССР» возникла неожиданно и явно под воздействием политического фактора – пропаганды идеи голодомора на Украине как геноцида украинского народа³. Тема голода в СССР, документально лишь затронутая в фундаментальной публикации «Трагедия советской деревни» как часть проблемы коллективизации и раскулачивания, с завершением этой серии получила всестороннее документальное освещение.

Собственно исторический смысл событий и явлений в советской деревне 1929–1935 гг., зафиксированных в трех томах публикации, сводился к тому, что в огромной стране впервые после 1918–1921 гг. возник общий продовольственный кризис. Как всегда, в каких-то регионах СССР он был связан с неурожаем, но в целом он являлся следствием нескольких исключительно силовых решений и действий советской власти.

Во-первых, это массовая насильственная коллективизация, разрушившая более или менее настроенную систему общинно-подворного хозяйствования, со скрипом, с сопротивлением, но все же дававшую обязательные поставки сельхозпродукции государству и

тем самым обеспечивавшую в первую очередь его продовольственную безопасность после уничтожения помещного и хуторского землевладения. Ее насильственная трансформация в колхозы породила хаос в сельскохозяйственном производстве, который более или менее начал упорядочиваться только после утверждения в 1935 г. примерного устава сельхозартели.

Во-вторых, это сознательная политика подрыва хозяйств единоличников, главным результатом которой стали сокращение ими посевных площадей и уход в города. Страна лишалась части производимой ими раньше сельскохозяйственной продукции.

В-третьих, это выселения и «изъятия» «помещиков», «кулаков» и прочих «контрреволюционных и антисоветских элементов» деревни, в массовом порядке начавшиеся с 1924 г. и в обозначенный период достигшие пика в 1932–1933 гг. Из деревни в результате этого был вырван целый слой, как тогда говорили, «культурных крестьян», а их хозяйства были разрушены. Более того, их сотни тысяч, погруженные в эшелоны, растянувшиеся по железным дорогам СССР, а потом разгруженные и доставленные в спецпоселения Казахстана, Урала, Сибири, также требовали хотя бы минимального продовольственного обеспечения. Прокормить себя они могли лишь в лучшем случае через год после переселения, а другая их часть, брошенная на строительство промышленных объектов, и вовсе не могла этого сделать.

В-четвертых, силовыми методами власти приблизительно с 1929 г. удавалось выкачивать из деревни весь тот объем сельхозпродуктов, который превышал минимальный объем прожиточного уровня крестьян. С мешочничеством, с торговыми посредниками, с продажей на рынке этой продукции было покончено приблизительно к 1928 г., а потому «черный рынок», который спасал страну до этого, фактически уже отсутствовал. Тем самым страна была лишена и этой нелегальной возможности продовольственного обеспечения.

Голод в СССР, подступавший с 1929 г., достиг наивысшего пика в 1932–1933 гг. В широком смысле он явился следствием реализации двух марксистско-ленинских постулатов: как общественный строй социализм и коммунизм могут состояться только на основе мощной индустриализации и на базе коллективного сельского хозяйства.

И сталинское руководство страны приступило к реализации этих двух важнейших теоретических посылов. Импровизируя тайно над реальным ходом воплощения своего замысла, публично обставляя его лозунгами заботы о крестьянстве и борьбы с его на

самом деле не существующими врагами, центральная власть упрямо и последовательно, невзирая на средства, шла к достижению первой стратегической цели – индустриализации страны. К сожалению, внутренние возможности для этого были очень ограничены. И до 1917 г. страна не блистала проектированием и производством сложных механизмов, а после революции стало и вовсе худо: старая техническая интеллигенция оказалась либо за рубежом, либо была выбита, а новая только создавалась. Выход был один: закупка техники за рубежом. А для этого нужна была валюта. Исследователям еще предстоит выяснить доли валютных поступлений в бюджет СССР от продажи меха, золота, алмазов, леса, художественных ценностей. Осторожно скажем, что продажа за рубеж зерна составляла их важную, если не главную часть.

И все понятно в этой ситуации, если бы ее разрешение изначально не было похоже на скособоченную матрицу действий центральной власти: *цель – политическая установка ее достижения – завышенные планы ее реализации – их выполнение любой ценой.*

Ключевой вопрос плана достижения цели, заключавшейся в обеспечении минимального пропитания страны и хлебного экспорта для получения валюты, – это хлебозаготовки. Как свидетельствуют документы сборника, их план достигался, в том числе, за счет изъятия у колхозов семенных фондов, у колхозников – зерна, полученного по трудодням, у единоличников – за счет разных способов конфискации, в том числе в процессе их выселения. Но неотвратимо наступала весна, а вместе с ней засев яровых, а потом и озимых. И это на фоне уже не просто голода, привычного в России, а на фоне смертного голода. Государство вроде бы проявляло заботу о своих гражданах-крестьянах, выделяя для каждого голодающего региона продовольственную ссуду. Тут и приходилось выбирать: или проедать эту ссуду, или оставлять хотя бы часть ее на яровой и озимый засевы. Государство строго контролировало второй вариант. Потому что ему были важны результаты засева, чтобы обеспечить планы очередных хлебозаготовок. А с питанием советские крестьяне могли и перебиться.

Смысл изъятий сельхозпродукции сводился к тому, чтобы оставить в деревне в периоды хлебозаготовок только минимум сельскохозяйственной продукции, необходимый для ее выживания, включая изъятия семенного фонда для нового урожая, – он превращался в ссуды, которыми государство наделяло крестьян из отобранного у них же урожая.

И все повторялось заново. Ограниченные продовольственные ссуды, используемые для посева, давали все более и более снижав-

шийся урожай, который силой изымался, чтобы потом вернуться в деревню в виде очередных продовольственных ссуд. В 1932–1933 гг. недостроенная колхозно-совхозная система, подорванные единоличные хозяйства, обескровленные силовыми изъятиями хлеба, и породили голод. Он поразил прежде всего зернопроизводящие районы страны, которые разом превратились в большие дореформенные оброчные хозяйства, периодически терпевшие бедствия из-за неурожая по погодным условиям. Рукотворно ввергнув страну в голод, сталинские менеджеры, используя силу и ручное управление страной, начали искать выход из ситуации, о чем свидетельствует третий том публикации.

Археография рецензируемой серии выделяет ее среди многих документальных публикаций последних двух десятилетий. Мы не побоимся сказать, что для публикаций по истории XX в. она может считаться образцовой.

Главной особенностью этой серии стал трансграничный характер включенных в нее документальных источников – документы не только из архивов России, но и из архивов Армении, Белоруссии и Казахстана. Ее другой особенностью стало опубликование рассекреченных с большим запозданием документов Политбюро ЦК ВКП(б) и особенно шифротелеграмм и записей переговоров по прямому проводу руководства партии с региональными партийными руководителями.

Масштаб выявленных для этой публикации документов оказался беспрецедентным. Их происхождение и видовой состав производят не меньшее позитивное впечатление – от документов Политбюро до низовых органов власти, от суровых ведомственных приказов до писем простых граждан во власть. Соответственно и отбор из этой совокупности требовал четких и убедительных критериев. Они и были сформулированы в археографическом предисловии к первому тому, а также дополнены в археографических предисловиях ко второму и третьему томам. В новейшей археографической практике это была вторая после документальной публикации «Архипелаг ГУЛАГ» попытка обозначить такие критерии, чтобы у читателей не было никаких подозрений относительно заданности, ангажированности этой тематической документальной публикации. Замечательно, что благодаря этим критериям мы имеем возможность проследить принятие, реализацию и результаты того или иного решения высшего руководства страны, связанного с голодом в СССР и его преодолением. Важно отметить, что составители этой серии, раскрывая проблематику явления голода, не ограничились документами официального

происхождения, удачно дополнив их в ряде случаев документами личного происхождения.

Выше мы говорили о сформулированных в этой публикации критериях отбора для нее документальных источников, выглядевших убедительно и по-новому, придавших высокую степень доверия к ней.

Однако только этим археографическая новизна рецензируемой публикации не ограничивается. Для тематической документальной публикации сложнейшей проблемой после отбора документальных источников остается проблема их систематизации. Можно было избрать универсальный принцип систематизации – механическое расположение всех документов по хронологии их создания. Однако в этом случае потребовался бы сложнейший тематико-предметный указатель – по существу детальный конспект будущего исторического исследования по изучению голода в СССР, что не является задачей археографии. Предварительные, в том числе монографические, исследования проблемы дали возможность составителям использовать тематико-хронологический принцип систематизации документов в документальной публикации.

Именно с этим связаны наши претензии к этой документальной публикации. В тематической документальной публикации систематизации документов – это вторая по сложности после отбора для нее источников проблема. Обычный, универсальный для всех типов документальных публикаций, включая тематическую, хронологический принцип систематизации здесь не всегда выглядит убедительным и познавательно значимым. В нем проблематика публикации как бы растворяется. Поэтому археографы часто (и нередко оправданно) прибегают к хронологико-проблемному принципу систематизации документальных источников. Во многих случаях он бывает оправданным, но только при одном условии – когда проблемно-тематический ряд документальных источников точно соответствует по своему содержанию обозначенной проблеме.

Выявленный массив документов, связанных с голодом в СССР, можно сравнительно легко сделать общедоступным с помощью современных информационных технологий. Частично именно так и произошло в 2008–2009 гг., когда на портале Росархива, а затем на специальном электронном диске было помещено несколько сот факсимильных копий выявленных документов. Но документальная публикация, подготовленная на основе общепринятых принципов и правил, способна в большей степени обеспечить упорядоченность большого массива документов, создав общепринятые условия изучения проблемы.

Другое серийное издание «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», девятый том которого увидел свет в 2013 г.⁴, изначально задумывалось как повидовое издание информационных материалов ОГПУ–НКВД СССР за 1931 г. не в их хронологической последовательности, как в публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», а в определенной тематической группировке. Таких тем и соответствующих им разделов в публикации выделено семь: 1. Антисоветские выступления на территории СССР; 2. Борьба с бандитизмом в СССР; 3. Город. Рабочий класс; 4. Деревня. Крестьянство; 5. Антисоветские партии, националистические организации и группировки в СССР; 6. Красная армия; 7. Социально-политическое и экономическое положение в Дальневосточном крае.

Таким образом, перед нами срез жизни СССР в 1931 г. фактически по пяти параметрам, поскольку тематические разделы 1 и 2 близки и даже почти совпадают друг с другом, а раздел 7 включает те же темы по одному, самому большому региону СССР – Дальневосточному краю.

И без документов сборника мы знали, что 1931 г. был не лучшим годом в истории России и СССР после 1917 г. В этом году продолжалась ломка нэповской страны прежде всего на основе индустриализации, коллективизации, расширения репрессивной политики, особенно в деревне, ликвидации товарно-денежных отношений, укрепления административно-командной системы, агрессивного внедрения коммунистической идеологии. Модернизация страны по сталинским лекалам проходила на фоне реальной и пока еще открытой политической борьбы теперь уже реально не между разными политическими течениями, а почти исключительно внутри ВКП(б), что придавало ей в глазах народа особый смысл, понуждая искать в разных лидерах партии носителей собственных представлений о жизни страны и своей собственной судьбе. И вместе с этим в реальном жизненном измерении на страну наступал дотоле неизвестный в ее истории голод, принявший скоро не локальный характер, а охвативший большинство ее регионов.

Разумеется, эти и многие другие процессы документы сборника в полной мере раскрыть не могли. Но в силу специфических задач к тому времени уже мощной структуры по охране безопасности государства и правящей партии они либо содержат их отголоски, либо детально их демонстрируют.

В последнем случае мы имеем в виду прежде всего 1 и 2 разделы публикации. Они показывают то, о чем мало было известно ранее: в Закавказье, в Средней Азии и отчасти на Северном Кавказе и

в 1931 г. шла настоящая война, объединившая антироссийские и антисоветские силы. Она не была войной гражданской для СССР, но оставалась гражданской внутри этих регионов, что и дало советской власти в конце концов, опираясь на одну из сил в этой войне, победить другую.

Третий раздел публикации нам показался бедным по подбору документов, хотя, может быть, и неслучайным, поскольку основной акцент в этих документах сделан на «антисоветской и контрреволюционной деятельности» на промышленных предприятиях страны. Ниже об этом акценте мы поговорим особо в связи с определением достоверности информационных сводок ОГПУ именно в части информации об «антисоветской и контрреволюционной деятельности в СССР» вообще. Здесь же отметим, что сводки ОГПУ о городе и рабочем классе намного разнообразнее и деловитее: в них много внимания уделялось организации и охране труда, заработной плате, продовольственному обеспечению, быту, культпросветработе, ходу строительства промышленных предприятий и т. д. Иначе говоря, в таких сводках зафиксирована просто жизнь города и рабочих, пусть и с неперемными их политическими оценками. Ни один из таких документов в публикацию не включен.

Четвертый раздел в этом смысле в подборе документов более сбалансирован. Но знакомство и с ним производит впечатление только сплошного сопротивления крестьянства политике советской власти в деревне. Но разве не было докладов Лубянки Сталину о ходе выполнения карательных операций против крестьянства, о реальных просчетах в коллективизации и ее грубом администрировании? Были, и очень многие из них опубликованы. Только не в рецензируемой публикации. Последнее обстоятельство составители могут назвать в качестве оправдания своей подборке документов и для этого раздела. Но его принять невозможно – ведь читателю в этом разделе обещана документальная новелла о деревне и крестьянстве, а не только о сопротивлении крестьянства политике советской власти, о достоверности которого мы еще поговорим особо.

Но еще большее недоумение, даже оторопь, вызывает раздел 5 публикации. Среди прочих документов здесь помещена «справка с докладом руководству по делу «Русского ЦК РСДРП» от 26 декабря 1930 г. Справка содержит более чем серьезные обвинения: ее члены создавали в стране «вредительские организации», противодействующие «хозяйственному строительству в СССР» (с. 432–433). В комментарии к этому документу составители указали: «По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 9 марта 1931 г. все обвиняемые были приговорены

к различным срокам тюремного заключения. Часть из них погибла в ссылках и лагерях, очень немногие вернулись. В 1991 г. все осужденные по делу были реабилитированы» (с. 807). Что значит этот комментарий? Он говорит о том, что в СССР не существовало «Русского ЦК РСДРП» и помещенные о нем в этом разделе документы являются недостоверными.

Пойдем дальше. В этом же разделе помещена «Докладная записка ОГПУ» об окончании следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» от февраля 1931 г. Этот «Союз», возглавлявшийся академиком, историком С.Ф. Платоновым, был монархической организацией, ставившей «своей целью свержение советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с бывшим великим князем Андреем Владимировичем» (с. 458). В отличие от документов, связанных с «Русским ЦК РСДРП», к этому документу нет комментария, даже тогда, когда он был формально необходим к фразе: «Полагаем целесообразным дело “Всенародного союза” рассмотреть на судебном заседании Коллегии ОГПУ» (с. 460). Получается из публикации, что такая организация существовала и хорошо известные наказания ее членов были справедливы, вопреки специально проведенным исследованиям последних двух десятилетий, показавших фальсификацию «Всенародного союза борьбы».

Возникает вопрос: какое отношение имеют опубликованные в сборнике документы о «Русском ЦК РСДРП» и «Всенародном союзе борьбы» к теме пятого раздела, если они по своей природе недостоверны? Ровным счетом никакого. Они были бы хороши в публикации под условным названием «Формы, способы и методы фальсификации ОГПУ политических процессов в СССР». Не больше.

На фоне разделов 3–5 очень содержательным и искренним кажется раздел 6, посвященный ситуации в Красной армии в 1931 г. В документах этого раздела есть многое из того, чего жаждет историк, изучающий реальную историю нашей армии. И нельзя не отдать должное в данном случае ОГПУ – оно сигнализирует о многих негативных явлениях в армии: обморожение красноармейцев во время учений, халатность их командиров, бытовая неустроенность армии, просчеты в боевой подготовке, случившиеся инциденты, дезертирство, настроения красноармейцев и т. д.

О том, под каким строгим оком ОГПУ проходила армейская жизнь, свидетельствует опубликованный в этом разделе документ № 8. Помощник командира 119 полка 40 дивизии ОКДВА по поли-

тической части Кочнев в целях проверки политподготовки бойцов разработал специальный вопросник с альтернативными ответами, из которых его подчиненные должны были выбрать правильный. Среди прочего в ней предлагалось ответить на вопрос о советской власти. Она: «1. Угнетает граждан СССР. 2. Помогает торговцам и богачам. 3. Защищает интересы рабочих и крестьян. 4. Собирает налоги» (с. 502). Кочнев был то ли романтиком, то ли социологом, а то и провокатором. Но в условиях 1931 г. он немедленно стал «контрреволюционером», судьба которого по документам сборника и из-за отсутствия соответствующего комментария остается неизвестной.

Рецензируемая публикация сопровождается целым блоком статей, обобщающих информацию документов сборника: А.Н. Сахарова и Г.Н. Севостьянова («Документальная летопись жизни советских людей»), Ж.-П. Депретто («Краткий анализ документов Лубянки о положении в СССР в 1931 г.»), Ю.Л. Дьякова и Л.П. Колодниковой («Рассекреченные документы ОГПУ о “националистических партиях и организациях” в СССР»), Т.С. Бушуевой («Документы Лубянки об особенностях крестьянского движения в СССР в 1931 г.»), В.С. Христофорова («Историко-археографическое предисловие»). Как видим, среди них нет очень важной и необходимой – о достоверности опубликованных в сборнике документальных источников. Лишь бегло и как-то застенчиво на это намекает в статье Ж.-П. Депретто (с. 27). Во всех остальных статьях информационные сводки воспринимаются как объективные свидетельства происшедшего в 1931 г. Правда, в статьях В.С. Христофорова и Ю.Л. Дьякова и Л.П. Колодниковой в ряде случаев мы встретим и оговорки типа «якобы» и кавычки о «вредительстве». Зато в статье Т.С. Бушуевой информационные сводки ОГПУ о положении в деревне воспринимаются как абсолютно достоверные, раскрывающие фантастически организованный крестьянский протест против советской власти. Даже названия разделов этой статьи так или иначе повторяют формулировки информационных сводок ОГПУ: «Процесс антисоветской активности в деревне не затихал», «Перед ОГПУ встали задачи разгрома и изоляции “деревенской контрреволюции”», «Террор (имеется в виду крестьянский. – В. К.) имел ярко выраженный антиколхозный характер», «Контрреволюционные организации и группировки в деревне», «Контрреволюционные организации и группировки ссыльных и беглых кулаков».

Ну конечно же, и в 1931 г., и до этого года и после деревня сопротивлялась коллективизации и раскулачиванию, хотя после нескольких репрессивных волн, начавшихся в 1924 г., активные

и потенциальные участники этого сопротивления были либо высланы, либо осуждены. В 1931 г. в российской деревне царил страх перед властью, страх крестьян за свою личную судьбу и судьбу своих хозяйств. Именно поэтому важно рассмотреть сводки ОГПУ в части существования в деревне «контрреволюционных организаций и группировок».

Но для начала рассмотрим опубликованный в сборнике документ «об антисоветской и контрреволюционной деятельности на промышленных предприятиях». В нем мы видим многочисленные конкретные проявления недовольства положением в стране – высказывания людей из разных регионов, по своей сути похожие друг на друга. Эти данные о настроениях в городе и на предприятиях легко проверяются на достоверность по сохранившимся письмам граждан в редакции газет, журналов, органы советской власти, сводки которых, кстати, поступали в органы ОГПУ. По этой причине сомневаться в достоверности такой информации о высказываниях одиночек нет никаких оснований.

Совсем иначе обстоит дело, когда в этом документе речь идет об организованном сопротивлении советской власти в виде «группировок». Во-первых, из 15 таких группировок, названных и охарактеризованных в документе, только в пяти случаях указывается их численность или персональный состав. Во-вторых, только в пяти случаях упоминаются реальные действия таких группировок, к тому же в ряде случаев вполне житейские.

Для информации рассматриваемого документа характерны еще две его особенности. Большинство фигурантов «группировок» – это либо бывшие члены ВКП(б), либо состоящие в ней, а также почти непременно бывшие троцкисты или склонные к троцкизму лица. Так готовилась очередная кампания по чистке ВКП(б) и повторных арестов.

После всего сказанного о разобранном документе мы можем охарактеризовать его как документальный исторический источник с переменной достоверностью его информации – часть ее, касающаяся индивидуальных проявлений недовольства советской властью в городе, достоверна, другая часть, связанная с организованным сопротивлением политике советской власти, носит сознательно вымышленный характер.

Этот же документальный источник затрагивает и тему деревни и крестьянства. Он сообщает о массовом явлении, связанном с бегством крестьянства из деревни в города, в том числе под прикрытием «фиктивных документов», получаемых за взятки в местных советах по месту жительства. Трактую это явление как один из спо-

собов «проникновения кулака в среду рабочего класса», источник тем не менее достоверно его фиксирует.

Зато дальше информация структурируется в соответствии с отработанными приемами. Источник называет 8 «активных контрреволюционных группировок» из кулаков и раскулаченных. «Группировка» в Москве вела «систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих» (с. 363), «кулацкая группировка» в Пушкино во главе с раскулаченным Родионовым создала «кулацкую артель», которая «организовала забастовку, предъявив явно рваческие требования» (с. 364), группировка «из раскулаченных кулаков и бывших торговцев» во главе с Шаршавиным на строительстве Воскресенского химического комбината «с целью маскировки своих дезорганизующих действий объявила себя ударниками, однако неоднократно предъявляла администрации рваческие требования об увеличении заработной платы и организовали две забастовки» (с. 364), «группировка» на цементном заводе «Красный строитель» в Московской области во главе с раскулаченным Соколовым занималась «систематической антисоветской агитацией среди рабочих» (с. 364) и т. д. Как видим, вполне житейские ситуации документ возводит в ранг политического сопротивления власти пробравшихся в ряды рабочего класса «кулаков».

Документы раздела «Деревня. Крестьянство» включают все те же, что и в предшествующем разделе, информационные сводки, справки, докладные записки. Часть их касается конкретных антисоветских проявлений. Фиксируя факты массовых крестьянских выступлений, физического и имущественного террора со стороны крестьян, распространения листовок в деревне, документы в этой части являются вполне достоверными историческими источниками, пусть и с пристрастной политической оценкой.

И опять же совсем иначе воспринимается информация о «контрреволюционных организациях и группировках в деревне». Опубликованная в сборнике обширная «Докладная записка об антисоветской активности в деревне и итогах агентурно-оперативной работы в 1931 г.» называет не менее 41 такой организации. В ней сообщалось: «В 1931 г. выявлено и ликвидировано значительное количество крупных по численному составу участников контрреволюционных организаций, охватывавших большую территорию, имевших разветвленную сеть своих ячеек и групп в нескольких селах, районах, а в отдельных случаях – пытавшихся увязать контрреволюционные группы и организации нескольких областей...» (с. 416). Однако в отличие от характеристики городских анти-

советских группировок в этом документе деревенские «организации и группировки» поданы несколько иначе – с упором на их количественный состав и структуру, а не только на программные установки. Например, «контрреволюционная бандитско-повстанческая организация “Добровольческая Освободительная Армия”» Северного края и «контрреволюционная повстанческая организация» в Бобринском районе Украинской ССР насчитывали по 60 человек (с. 416), «бандитско-повстанческая организация» с центром в Городнянском уезде УССР состояла из 350 человек, «контрреволюционная повстанческая организация “Зеленая Армия”» в Центральном Черноземном округе включала 139 человек и т. д. (с. 416–417). Откуда столь крупные организации в деревне после ее уже состоявшихся разных форм зачисток? Оказывается, «разнохарактерные антисоветские элементы объединяются на платформе свержения советской власти и установления “народовластия”, не предопределяя характера этого “народовластия”» (с. 417). И, что немаловажно, почти все они вели подготовку вооруженных восстаний.

Итак, перед нами не просто стихийно бурлящая деревня, пусть редко, но выбрасывающая протуберанцы бунтов то по поводу закрытия церквей, то в связи с очередным нажимом вступления в колхозы. Это еще и деревня, самоорганизующаяся на почве вооруженной борьбы с советской властью, деревня, имеющая свои «штабы», «руководящие тройки», «пятерки», «ячейки», «специально изготовленные знамена», средства печати, деньги на приобретение оружия и т. д. (с. 421).

Народная мудрость гласит: «сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет». Эта мудрость рождена мирным ходом жизни. К 1931 г. стране уже 14 лет каждый день вдалбливалась идея о «бывших людях», «кулаках» как врагах советской власти и не менее 10 лет – об «остатках белогвардейщины», желавших реванша. Все они либо уже были ликвидированы, либо выселены, либо отбывали сроки в ссылке и лагерях. Но власти и в 1931 г., и в последующие годы был выгоден жупел опасности, исходящей от них.

Сегодня невозможно просчитать, сколько граждан СССР в 1931 г. верили в этот жупел, а сколько нет. Зато сегодня здравый смысл подсказывает: сопротивление в деревне политике советской власти было огромным, но оно по определению не могло уже носить организованного характера. Все эти «контрреволюционные организации и группировки» были придуманы органами ОГПУ на основе реальных фактов крестьянского открытого выступления или точно выявленных проявлений словесного недовольства.

С учетом всего сказанного нам не кажется бесспорной археографическая сторона рецензируемой публикации. Она вызывает несколько вопросов, имеющих прямое отношение к ее источниковой значимости.

Во-первых, в «Историко-археографическом предисловии» ни слова не говорится о критериях включения в публикацию документальных источников, хотя ее составители, разумеется, их использовали. Первый критерий очевиден – публиковались документы, которые ОГПУ регулярно направляло Сталину и его ближайшему окружению, – этот критерий обозначен в самом названии документальной публикации. Хотя из публикации понять невозможно, какие из включенных в нее документов вообще посылались Сталину: расчеты рассылки, указанные в них, говорят о том, что они вращались только внутри руководящего состава ОГПУ. Более того, документы, опубликованные в разделе 7, как и некоторые в других разделах, вообще не имеют расчета рассылки, направляясь конкретным руководителям ОГПУ. Получается, что составители проигнорировали установленный ими же самими основной критерий отбора документов – те, которые направлялись Сталину. Тогда понятна переменная достоверность многих из них: в своем корпоративном кругу можно было и пофантазировать на тему «контрреволюционных организаций». Если мы ошибаемся в нашем предположении, тогда заметим, что Сталину направлялись сводки и аналитические записки, не только связанные с «контрреволюционными проявлениями», но и по более широкому кругу вопросов – экономических, организационных, советских, партийных, кадровых и т. д. Ни одного такого документа в публикации мы не встретим. Потому-то основные разделы, связанные с жизнью в 1931 г. города и деревни, эту жизнь раскрывают крайне однобоко, сводя ее в этих социальных страдах только к сопротивлению советской власти. Другие критерии отбора документов для читателей публикации остаются неизвестными. Например, раздел 2 («Борьба с бандитизмом») составили ежедневные спецсводки Особого отдела ОГПУ за июль – октябрь 1931 г. Опубликованы спецсводки № 44, 63, 105, 109, 111–115, 117–120, 123. Почему нет остальных? Они не сохранились или по каким-то причинам составители не сочли нужным включить их в публикацию? Ответов мы не находим.

Во-вторых, документальной основой рецензируемой публикации остаются фонды Центрального архива ФСБ. Это значит, что в сборнике публикуются отпуски документов (по терминологии составителей, «заверенные копии»), направлявшихся согласно расчетам рассылок. Какова судьба оригиналов – хотя бы тех, которые

направлялись руководству ОГПУ согласно расчетам рассылок, мы не знаем, а значит, остаются неизвестными резолюции их адресатов. Куда делись эти оригиналы? Они уничтожены? Их не смогли обнаружить? И на эти вопросы мы не находим ответов. Некоторые документальные системы нового и новейшего времени в отношении отдельных документов и документальных комплексов обладают свойством *документального коллапса – запрограммированного и обязательного возвращения их в места создания или их обязательного уничтожения после реализации возложенных на них функций*. Это правило в первую очередь распространялось на партийную документацию высшего уровня ее происхождения и документацию силовых структур, в частности разведки и контрразведки. Например, составители документальной публикации «Секреты Гитлера на столе у Сталина» следующим образом объясняют свойство документального коллапса: «В ходе подготовки к публикации документов данного сборника установлено, что их первые экземпляры в соответствующих архивах, как правило, не сохранились... в то время имела место практика, когда присланные в инстанции записки после ознакомления с ними руководителей СССР и ведомств, возвращались в НКГБ СССР и в интересах конспирации уничтожались, так как в оперативных отделах контрразведки источники информации были известны».

Свойство документального коллапса документальных систем и документальных комплексов – объективное явление, с которым сталкивается археограф при публикации документов нового и новейшего времени. Оно существенно обедняет источниковый потенциал документальной публикации, вынуждая публиковать документы по их отпускам, к счастью, почти в обязательном порядке сохранявшимся в архивах организаций, их создавших.

В-третьих, и по правилам археографии, и по совести хотелось бы в этой публикации видеть комментарии ко многим местам текстов документов, в первую очередь к тем, которые сообщают о «контрреволюционных организациях и группировках». Хотя бы по примеру комментария о «Русском ЦК РСДРП», о котором мы говорили выше. И никто не может сделать такие комментарии, кроме составителей сборника, имеющих возможность проследить судьбу этих организаций и их членов. Отсутствие таких абсолютно необходимых комментариев ставит пользователя публикации в сложное положение, а неподготовленного читателя заставляет поверить в существование этих организаций.

На этом фоне заслуживает высокой оценки именной комментарий с подробными биографическими данными. Его значение

выходит за рамки рецензируемой публикации, поскольку приводимые здесь сведения, особенно о работниках госбезопасности, могут быть использованы и в других изданиях.

Чем заключить наш анализ рецензируемого издания? Вне сомнений, оно содержит ценнейшую информацию об СССР в 1931 г. В принципе, была выбрана вполне обоснованная модель этой публикации – документальное раскрытие положения страны в 1931 г. по семи важнейшим блокам ее состояния в тот год. Но реализация этой модели оказалась противоречивой – ее позитивно можно принять лишь в отношении разделов 1–2 и 7. Остальные разделы лишь частично раскрывают проблематику документальной публикации, находя свое отражение и в недоработках ее археографической составляющей.

Возникает вопрос: почему задуманная и реализованная во многих томах документальной серии «“Совершенно секретно”...» модель этой серии в ее томе 9 оказалась, мягко говоря, уязвимой? Ведь том вышел под грифами Института российской истории РАН, Центрального архива ФСБ Российской Федерации, Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Комиссии историков России и Финляндии, Академии наук Финляндии и французского Фонда Дома наук о человеке. Если быть откровенным, объяснение археографической неудачи девятого тома серии скрывается в исключительно корпоративной организации ее подготовки и издания.

В свое время мы писали о том, что в СССР существовало не менее 14 рубежей экспертизы научных трудов, включая документальные публикации даже периода феодализма⁵. Каждый из этих рубежей носил исключительно идеологический характер, тормозя получение нового научного знания. Сегодня таких рубежей не существует. Но вместе с обороной «идеологической чистоты» научных трудов, включая документальные публикации, разрушилась их экспертиза на научную пригодность. Сообщество пользователей рецензируемой документальной публикации, несмотря на солидные грифы ее участников, на самом деле получило продукт корпоративного производства, не во всем, как показано выше, оказавшийся удачным.

Итак, мы рассмотрели завершающие тома трех серийных документальных публикаций по истории советской деревни, условно говоря, межвоенного периода в истории России и СССР. Вместе с многотомной документальной публикацией «Трагедия советской деревни» они содержат, несмотря на их неравноценный

археографический уровень, важные свидетельства о модернизации сельского хозяйства страны, его переводе на коллективные методы производства сельхозпродуктов и организации крестьянской жизни. В понимании этой радикальной трансформации советской деревни огромная роль принадлежит сохранившимся документальным комплексам советских и партийных структур, а также фондам охраны безопасности и порядка СССР, введенным благодаря рассмотренным документальным публикациям в научный оборот. Впереди – следующий шаг: документальное освещение истории советской деревни в годы Великой Отечественной войны, а потом и ее хаотических преобразований в послевоенный период, призванных освободиться от сталинских методов хозяйствования в деревне. Хватит ли воли, желания и сил сегодня сделать этот шаг, чтобы узнать военную и послевоенную цену сталинской модернизации советской деревни и ее последствий для сегодняшней жизни России?

Примечания

- ¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 4. 1935–1939. М., 2012. Здесь и далее ссылки на страницы разбираемых публикаций даются в тексте статьи.
- ² Подробнее см.: *Козлов В.П.* Операции «Переселение», «Выселение», «Изъятие» в тульской деревне 20-х – 30-х годов XX в. // Мир глазами историка: Памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 253–280.
- ³ Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. 1929 – июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 – июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933–1934. М., 2013.
- ⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 9. 1931 г. М., 2013.
- ⁵ Разговор двух историков (Е.Н. Кушева – Б.А. Романов. Переписка 1940–1957 годов) // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 121–125.